

Александр Снегирёв

Скребется

*Часть сборника
Бил и целовал (сборник)*

Александр Снегирёв
Скребется

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Снегирёв А.

Скребется / А. Снегирёв — «Эксмо», 2016

«– Лишнего пригласительного не найдется? – бросился наперерез старик в кроличьей шапке.– У меня только один.Старик покорно отступил. Припорошенный, перед тяжелыми бронзовыми дверьми, асфальт чернел следами обуви. Я потянул створку, прошел. Так деловито, не теряя достоинства, не глаза по сторонам, торопятся те, у кого есть именной пригласительный. Швейцары, увидев плотную тисненую бумажку, расступились...»

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Снегирёв А., 2016
© Эксмо, 2016

Александр Снегирёв

Скребется

© Снегирёв А., текст, 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

– Лишнего пригласительного не найдется? – бросился наперерез старик в кроличьей шапке.

– У меня только один.

Старик покорно отступил. Припорошенный, перед тяжелыми бронзовыми дверьми, асфальт чернел следами обуви. Я потянул створку, прошел. Так деловито, не теряя достоинства, не глаза по сторонам, торопятся те, у кого есть именной пригласительный. Швейцары, увидев плотную тисненую бумажку, расступились.

Две гардеробщицы перебирали имена знаменитостей, скинувших здесь пальто и шубы. Дирижер явился, артист – вот он, только известного писателя-сатирика никак не могли досчитать.

– Может, не пришел? – отчаялась одна.

– Пришел, пришел, он каждый год приходит, – настаивала ее собеседница.

– Он всегда у директора раздевается, – веско произнесла третья гардеробщица, выждавшая критического момента спора, чтобы поднять свой авторитет демонстрацией тайного знания.

Мельком, стараясь не выдать самолюбования, на ходу кося глазом, я оглядел свое отражение в зеркальной стене и легко взбежал по роскошной мраморной лестнице, что в свете тысячеваттной люстры переливалась терракотой, ржавчиной и рубином с золотыми искрами. Взлетел на самый верх, где из высоких, до потолка, резных дверей зала с колоннами доносился гомон публики.

В зале происходило вручение премии, учрежденной французским фондом содействия культуре за пределами великой Франции. Среди лауреатов мой отец, литературный переводчик, которого следовало поздравить. Кроме того, я планировал закусить на фуршете. Угощение обещало быть утонченным и разнообразным, но не обильным. Все-таки французы.

Просторный зал ослепил. Свет лился из ламп, искрился в хрустале люстр, вихрился в бронзовых завитках капителей, тонул в крыльях ангелов, облепивших нежно-голубой портик. Свет летел на диковинные цветы, распускающиеся на своде, и, одурманенный, свергался вниз, на плечи и прически гостей. Многовато, прямо скажем, этого света. Я люблю полумрак.

Зажмурившись и поморгав, я почувствовал себя на задах потешной русской армии во время игровой постановки Бородинского сражения. Передо мной двумя каре чернели спины зрителей, точно войска генерала Тучкова, на сцене полукругом расселись лауреаты – авангард четвертого пехотного корпуса Богарне. Звуки струнного квартета, расположившегося на сцене в противоположном от лауреатов углу, усиливали атмосферу удачного праздника. Музыка, впрочем, была не боевая, да и какой бой мог здесь разразиться? Лауреаты известны заранее, в зале почетные гости, знакомые и родственники. Пение двух скрипок, виолончели и арфы навевало думы о Золотом веке, о различных изяществах, о бесконечных парках, где кусты и деревья обстрижены под шары и пирамиды. В таких парках всегда теплый июньский вечер и за каждым фигурным кустом прячется муза. Достаточно только встряхнуть куст, и муза с озорным хохотом побежит прочь, сверкая голыми ногами и блудливо оглядываясь.

Когда музыканты уgomонились и покинули сцену, на их место взошла сухошавая дама, похожая одновременно на вяленую бастурму и анатомическую гипсовую фигуру-экорше, изображающую человека без кожи. Дама оказалась, разумеется, французенкой и, разумеется, левачкой. Почему разумеется? А где вы видели дородных, румяных левых? Дородные всегда либо правые, либо аполитичны. Обнаружив сносное знание русского языка, произнеся неизменное французско-русское «здраздуйте» с ударением на «е», дама позволила себе несколько слов о великой русской культуре и важной роли французского фонда в ее поддержании на плаву и всяческой стимуляции. Тепло отозвавшись о лауреатах, иссушенная ораторша не удержалась и продемонстрировала-таки свою левизну, упомянув отдельно чеченца.

– Я горжусь, все сотрудники нашего фонда гордятся... – Показалось даже, что дама собралась добавить, будто вся прогрессивная Франция, а заодно и человечество тоже гордятся, но по какой-то причине не добавила.

– Мы все гордимся, что сегодня среди лауреатов есть чечен! – со слезой на вечносухих глазах провозгласила дама.

По-французски «чечен» означает, собственно, «чеченец». По-русски «чечен» тоже «чеченец», но с душком. Есть в слове «чечен» федеральное высокомерие по отношению к маленькому свободолюбивому народу, окрики с блокпостов, рев БТРов, стук копыт конницы генерала Ермолова гудит в этом слове. Попахивает словцо сожженным селом Самашки и танками в Грозном, ох попахивает.

«Чеченец, чеченец», – колыхнулось по залу, пробежало верхами, по головам и было выброшено на сцену. Известный кинорежиссер из лауреатов подобрал поправочку и поднес услужливо.

– Чеченец! – исправилась французенка в микрофон и закрепила: – Чеченец!

Злополучный уроженец беспокойной республики, вальяжно расположившийся в центре лауреатского полумесяца, вытянув ноги в белых туфлях, благосклонно кивнул круглой головой, поросшей короткими и длинными волосами. Короткие покрывали лицо, длинные – темечко. Чем этот чечен отличился, какая из муз ему отдалась, я так и не понял. Музыкант ли он был, поэт или философ? Это и не акцентировалось, видимо, для французского фонда в первую очередь важна была принадлежность лауреата к народу, пострадавшему от кремлевской деспотии и русского варварства.

Раздались отдельные хлопки, перешедшие в бурную овацию: публика в тот вечер была настроена благожелательно и аплодировала с готовностью всякому, пускай даже чеченцу, просто за то, что он чеченец.

Я вгляделся в лауреатов. Упомянутый кинорежиссер быстро смотрел по сторонам, его глазки бегали резвыми мышками, ищущими, в какую бы щель пролезть, а тонкие губки смыкались и размыкались, точно лапки счетчика банкнот. Все эти некрупные детали были столь примечательны, что заметить их можно было с любого конца зала, который, впрочем, не был огромным. Заметить можно было и много чего еще. Например, то, что один уважаемый театральный критик, сидящий рядом с супругой, перекидывается выразительными взглядами с парочкой хихикающих девиц, а неизвестная широкой публике женщина интеллигентного вида то и дело утирает нос краем повязанной на шею шелковой косынки с надписью «Tallinn».

Рядом с режиссером ерзал на стуле молодой человек с лицом красным и перебалаченным, будто только что очнулся от тяжелого сна и теперь удивлялся, как это он сюда угодил. Заспанности молодому человеку добавлял торчащий из головы вихор. По левую руку от чеченца расположилась простоволосая, скромно и безвкусно одетая женщина одного возраста с ораторшей и скорее всего одних с нею взглядов. Бедностью облика, нелепостью наряда, неухоженностью волос, заношенными сапогами, которые она старательно прятала под подол тусклой шерстяной юбки, женщина эта подтверждала, что левые идеи в азиатской стране России не пользуются ни популярностью, ни коммерческим спросом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.